

SERIES MINOR

Ю. Г. ОКСМАН — К. И. ЧУКОВСКИЙ

ПЕРЕПИСКА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. Г. ОКСМАН — К. И. ЧУКОВСКИЙ

ПЕРЕПИСКА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2001

ББК 72.3

О 52

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16112

О 52

Ю. Г. Оксман – К. И. Чуковский: Переписка.
1949–1969 / Предисл. и коммент. А. Л. Гришуни-
на. – М.: Языки славянской культуры, 2001. –
192 с., ил. – (Studia philologica. Series minor).

ISBN 5-94457-020-2

Книга содержит переписку двух выдающихся предста-
вителей русской культуры: Юлиана Григорьевича Оксмана
(1895–1970), исследователя русской литературы и общест-
венной мысли, и замечательного, яркого писателя и литера-
туроведа Корнея Ивановича Чуковского (1882–1969). Время
переписки – 1949–1969 гг., период несбывшихся надежд и
общественного «застоя», когда оба корреспондента испыты-
вали давление тяжелого идеологического пресса. Ю. Г. Оксман,
недавно освободившийся из колымских лагерей, с 1964 г.
подвергся новым притеснениям, фактическому запрещению
печататься, и даже самое имя ученого надолго оказалось
неупоминаемым. Много внимания уделено литературной
науке, месту ее в культуре времени.

Публикуемые письма насыщены литературным и исто-
рическим материалом, содержат выразительные характери-
стики событий и лиц, представляют собой подлинные эпи-
столярные шедевры и документы времени.

Текст писем снабжен необходимыми примечаниями. В
приложении печатается принадлежащий перу Ю. Г. Оксмана
самиздатский документ «На похоронах Корнея Чуковского».

Книга предназначена всем, кто интересуется отече-
ственной историей, пушкинизмом, исследованиями жизни и
творчества Белинского, Герцена, Некрасова, Чехова, писате-
лей-декабристов.

ББК 72.3

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095
246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish
bookseller G • E • C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk)
has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме изда-
тельства «Языки славянской культуры», имеет только датская кни-
готорговая фирма G • E • C GAD.

ISBN 5-94457-020-2

9 785944 570208 >

© Гришунин А. Л.
Предисловие и комментарий, 2001
© Ю. С. Саевич.
Оформление серии, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Профессор Юлиан Григорьевич Оксман (1895—1970) был разносторонним, глубоко эрудированным, вдумчивым исследователем русской литературы и общественной мысли. Настоящая оценка его личности и всего сделанного им еще предстоит.

Воспитанник историко-филологического факультета Петербургского университета, который он окончил в 1917 году, участник Пушкинского семинария профессора С. А. Венгерова, — Ю. Г. Оксман в 1923 году стал профессором того же университета и оказался в обойме крупнейших пушкинистов страны. Максим Горький привлек его в Пушкинскую комиссию, к разработке академического Полного собрания сочинений Пушкина. Эта работа, начатая в стенах Пушкинского Дома, заместителем директора которого (то есть заместителем Максима Горького; в сущности — директором) был Юлиан Григорьевич, — была прервана в ноябре 1936 года арестом по ложному политическому оговору и ввиду близости его к Л. Б. Каменеву, заведовавшему издательством «Academia». Десятилетие с 1936 по 1946 год Оксман был насильственно вырван из научной работы и интеллектуальной жизни, но сумел сохранить свой научный потенциал.

После освобождения из колымских лагерей, благодаря участию профессоров Г. А. Гуковского, А. П. Скафтымова и других, Ю. Г. Оксман получил место профессора в Саратовском университете. В 1958 году он приглашен был в Москву и стал сотрудником Института мировой литературы Академии наук СССР.

Замечательный, яркий писатель и литературовед Корней Иванович Чуковский (1882—1969) избежал участи Оксмана,

вероятно, только ввиду своей мировой известности, хотя тоже пережил недоброжелательство властей и множество притеснений. Знакомство его с Ю. Г. Оксманом относится к началу 1917 года, когда они встретились в редакции петроградского журнала «Нива». В переписке, дневниках К. И. Чуковского содержатся упоминания и о их более поздних контактах и встречах.

Переписка началась по инициативе Ю. Г. Оксмана 3 июля 1949 года. В саратовский период жизни Оксмана она была наиболее интенсивной, после переезда ученого в Москву в 1958 году она естественно компенсировалась возможностями личного и «телефонного» общения, стала более редкой.

Письма Ю. Г. Оксмана к М. К. Азадовскому, В. Б. Шкловскому, К. И. Чуковскому насыщены литературным и историческим материалом, изумительны по выразительности и точности оценок, формулировок. «Твои письма я читаю всегда с жадностью и восторгом, — пишет ему 4 сентября 1957 года Б. М. Эйхенбаум, сам превосходный стилист, — так много в них и ума, и чувства, и „сердца горестных замет“» (Встречи с прошлым. VII. М., 1990. С. 528). В них выражен деятельный характер ученого, преданного интересам науки, которыми он буквально живет, озабоченный также и будущим — подготовкой научной смены. Каждый успех молодого ученого, будь то Б. О. Корман, О. Н. Михайлов, Жан Бонамур, А. П. Чудаков, саратовские студенты и аспиранты, — приводил Юлиана Григорьевича в состояние искренней радости.

Письма К. И. Чуковского также проникнуты добротой, нетерпеливым интересом ко всему, что касается отечественной и мировой культуры, литературы; радостным восхищением по поводу всего талантливого и яркого.

Из переписки двух выдающихся мастеров культуры хорошо видно, как ценили и чтители они друг друга, как нуждались в общении, взаимно дополняя один другого своими неповторимыми качествами. «Вы же знаете, какими чувствами преданности, любви и почтительного восхищения я питаю к Вам с давних времен...», — признается своему младшему другу Чуковский 29 ноября 1956 года; «Соберите все ласковые слова, какие когда-либо говорили Вам люди — с самого раннего

детства, — пишет он в другом письме (2 января 1963 года), — и то невозможно будет выразить те нежные чувства, какие я питаю к Вам со времен Ленкублита». «Горжусь быть вашим современником!» — признается ему Оксман в письме от 26 декабря 1966 года.

В октябре 1964 года Ю. Г. Оксман подвергся новым преследованиям, исключению из Союза писателей, фактическому запрещению печататься; запрещено было даже упоминание его имени в печати. Группа писателей и ученых во главе с В. А. Кавериним и К. И. Чуковским приняли в нем участие. Чуковский возмущенно недоумевал по поводу столь варварского обращения с ученым. Он справедливо полагал, что такую фигуру, как Ю. Г. Оксман, «нельзя навсегда превратить в невидимку», и упомянул Ю. Г. Оксмана в своей «Оксфордской лекции» (1962) в ряду наиболее выдающихся отечественных литературоведов.

Архив сохранил красноречивый документ — обращение К. И. Чуковского к директору Гослитиздата В. А. Косолапову (март 1965 года):

«Дорогой Валерий Алексеевич, во втором томе моих „Сочинений“, который уже проредактирован С. П. Красновой, я упоминаю (в статье о Тынянове) имя Юлиана Григорьевича Оксмана. Оксман был другом Тынянова и помогал ему писать роман „Кюхля“.

К моему удивлению, т. Краснова сообщила, что с недавнего времени имя Оксмана — запретное имя. Я не поверил ушам. Мне казалось, что во времена культа подобная система насильственного замалчивания тех или иных литературных имен уже обнаружила свою несостоятельность. Замалчивали Бабеля, замалчивали Булгакова, замалчивали Зощенко, замалчивали Ахматову, даже мое скромное имя было под запретом — и все же в конце концов эта мера не привела ни к чему: и Ахматова, и Зощенко, и Булгаков, и Бабель окружены любовью нового поколения читателей. Да и я испытал на себе, что замалчивание усиливает, а не уменьшает популярность.

Оксман замечательный советский ученый, и Вы знаете так же хорошо, как и я, как велики его научные заслуги. Невозможно писать о «Капитанской дочке», о Рылееве, о декабристах,

о Кольцове, о письме Белинского к Гоголю, об Огареве и о многом другом, не ссылаясь на основополагающие работы Ю. Г. Оксмана.

Моя статья о Тынянове выходит не первый раз. В каждом издании упоминается Оксман. Если в новом издании это имя будет изъято, читатели заметят его отсутствие и сделают неблагоприятные умозаключения о Вас и — обо мне».

Законопослушное чиновничество, конечно, не внимало подобным доводам.

Продолжавшееся в течение почти двух десятилетий письменное общение двух выдающихся представителей отечественной культуры отразило их трудные, временами — трагические переживания по поводу удушающего режима, при котором им довелось жить и работать. Глубоко содержательная их переписка значительна как исторический документ времени.

В октябре 1969 года скончался К. И. Чуковский. В следующем году не стало Ю. Г. Оксмана. Сиротел интеллектуальный мир. Горько звучит заключительная фраза, в сущности, последнего письма Ю. Г. Оксмана к своему давнему другу: «Нас мало, да и тех нет...»

Перу Ю. Г. Оксмана принадлежит самиздатский документ «На похоронах Корнея Чуковского», который мы воспроизводим в «Приложениях» вместе с другими документами — по машинописи из архива Ю. Г. Оксмана с его поправками в тексте.

Подлинники писем Ю. Г. Оксмана хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 620); К. И. Чуковского — в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве (ф. 2567), кроме письма от 2 февраля 1959 года, находящегося в собрании А. Л. Гришунина.

Письма печатаются по копиям из архива К. И. Чуковского. Тексты подготовил и комментарии написал А. Л. Гришунин при благожелательном содействии Е. Ц. Чуковской.

ПЕРЕПИСКА

1. Ю. Г. ОКСМАН — К. И. ЧУКОВСКОМУ

1949 г. ноября 3

3.XI.49 г.

Дорогой Корней Иванович, с опозданием на девять лет прочел Вашу книжку воспоминаний (Репин, Горький, Маяковский, Брюсов)¹. Еще на Колыме, узнав из случайного номера какой-то газеты о выходе этой книжки в свет, очень больно ощущал невозможность ее прочесть (даже губы кусал от досады, сидя ночью у костра — я тогда на Адыгалахе² был ночным сторожем, производственные мастерские охранял). Разведу, бывало, три-четыре костра и обхожу их, дрова подбрасывая. Мороз градусов 50, белое безмолвие, у костра так жарко, что даже бушлат сбросишь — и как хорошо вспоминались тогда и люди, и книги, и прошлое — достаточно обрывка газеты, чтобы вызвать к жизни целый мир, отстоящий на 15 тысяч километров. На весь лагерь было три книжки — второй том Жуковского, «Анна Каренина» и номер «Нового мира». За десять месяцев я раз 20 все это перечел, — не спеша, вдумываясь в каждую строчку, чтобы побольше на следующие ночи осталось! — Ну, так вот еще с тех пор мечтал, как бы мне до Ваших рассказов добраться. Потом, правда, как-то выпали они у меня из памяти. А после «Репинского наследства»³ опять к ним потянулся. Наконец, достал. Бросил все дела — а их перед праздником особенно много даже в Саратове — и с обеда до вечера читал не отрываясь. Очень уж все интересно; а многое и прямо волнует. И знаете, что всего более удается Вам? — Это, когда Вы, как молодой Репин, задом к иконостасам становитесь! Норовите сделать это вы часто, — иногда с таким великолепным озорством, что даже страшно за вас становится (чего стоит, напр., эта ссылка на Л. Андреева о Брокгаузе — от слова